

Русские ваганты в Болонском процессе

Высшее образование в России станет общеевропейским нескоро

Появление первых европейских университетов совпало по времени с важным открытием, что учеба — дело тяжелое. По счастью, эти первые университета создавались в местах с мягким и теплым климатом. Студенты стамбульского университета Сабанчи продолжают старые европейские традиции, по возможности облегчая себе тяготы учения

Для Западной Европы образ ваганта— кочующего студента— вполне привычен. Он основан на средневековой традиции, когда университетов было мало и приходилось ехать в другие земли, чтобы прослушать курс, которого нет в его университете. Правда, со временем в каждой европейской стране сложилась собственная система образования, уже не позволявшая студенту с легкостью менять Гётеборг на Барселону, несмотря на географическую компактность Европы.

Но в последние десятилетия XX века, на новом витке европейского объединения, вопрос о мобильности студентов стал настолько остро, что в Европе началась масштабная реформа высшей школы, или так называемый Болонский процесс. В 2003 году к нему присоединилась и Россия. В соответствии с законом, принятым Госдумой, уже в сентябре 2009 года российские университеты должны перейти на двухуровневую систему бакалавров и магистров. Есть, правда, серьезные опасения, что это может не получиться. Во время круглого стола, организованного Фондом содействия отечественной науке, директор Института всеобщей истории РАН академик Александр Чубарьян заявил, что пока только 14% российских вузов ввели у себя эту систему.

Таким образом, вхождение России в Болонский процесс может быть не столь динамичным, как ожидалось — к огорчению сторонников европейской реформы образования и на радость противникам. Но и в своем отставании Россия вполне вписывается в Европу: аналогичную картину можно наблюдать и в некоторых других странах континента, где университеты не торопятся включиться в новую систему. Как говорят в Англии, легче реформировать кладбище, чем университет.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

Формально история Болонского процесса начинается 19 июня 1999 года, когда министры образования 29 европейских государств в Болонье, на родине старейшего университета, подписали декларацию «Европейское пространство высшего образования». Но это только формально— на самом деле реформа европейской высшей школы началась лет на десять, а то и на двадцать раньше, когда стали предприниматься попытки поднять уровень европейского образования. В послевоенные годы все больше студентов стало уезжать за степенью в Соединенные Штаты и, получив ее,

Вечный студент из «Большого завещания» Франсуа Вийона 1489 года издания

оставаться там работать. Было также ясно, что в одиночку ни одна западноевропейская страна справиться с этой проблемой не может. В Америке в 1990-е годы обучалось ежегодно более 650 тысяч иностранных студентов (аспиранты не в счет), а в Европе — только 250 тысяч, из которых 140— в одной Великобритании, традиционно славившейся сильным образованием. Меньшая привлекательность других европейских стран объяснялась не только более слабым средним уровнем университетов, но еще и формальными трудностями, связанным с нострификацией (то есть признанием) иностранных дипломов.

Таким образом, нужно было построить общеевропейское образовательное пространство. Тем более, что фундамент этого пространства сам собой закладывался в послевоенной Европе. Появились общие рынки капитала, рабочей силы. Работодатели, которым было выгодно нанимать специалистов из соседних стран, хотели упростить признание дипломов. Студенты настаивали на возможности получить образование с учетом их индивидуальных запросов и потребностей. Эти и множество других факторов стали причиной структурного реформирования высшей школы в Европе.

ТРИ ПЛЮС ДВА

В соответствии с подписанной в 1999 году декларацией, все вузы присоединившихся к Болонскому процессу стран должны перейти на двухуровневую систему обучения. Первый уровень обучения — бакалавриат (в некоторых странах, в частности во Франции, он называется лицензиатом, поскольку слово «бакалавр» там уже занято — им обозначают выпускников школ) — составляет не менее трех лет обучения, а второй — магистратура — не менее двух. Студент, получивший степень бакалавра, считается специалистом с полным высшим образованием. И его желание продолжить обучение в магистратуре не удовлетворяется автоматически. В магистратуру могут принимать по конкурсу, она может быть платной. Такая модель уже давно существует в странах с англосаксонской системой образования — прежде всего в Великобритании и США. И не то чтобы все эксперты находят ее идеальной, однако для широкого распространения ничего более подходящего, отвечающего потребностям мобильности современного образования, придумать не сумели. Сейчас двухуровневая система вводится более чем в пятидесяти странах.

Докторская мантия, два галстука из двух оконченных колледжей и два экземпляра докторской диссертации Эдуарда Джона Брамбли, выпускника Кембриджского университета

Новшество хромает не только в России. Таким странам, как Дания, Австрия, Германия, переход на

жесткую схему «три плюс два» тоже дается тяжело — ведь студентов этих стран принято называть самыми неторопливыми в мире. Они имели возможность оставаться «вечными студентами», учиться бесплатно по 8-10 лет. Во Франции, например, около 30% студентов завершают пятилетний курс обучения вовремя. А в Германии и Италии это получается только у 11% студентов. Эксперты считают, что виной тому безработица среди выпускников, бесплатное образование в сочетании с отсутствием отбора при поступлении. С введением Болонской системы такие студенты не просто лишаются права долго учиться, будущих магистров еще и обяжут платить за учебу. Деньги, прямо скажем, символические (500 евро в год), но и они уже вызвали негодование.

Что касается учебы в аспирантуре, то она по замыслам реформаторов будет длиться не менее трех лет и может в случае успеха увенчаться единой научной степенью. Во Франции, Италии, Латвии, Нидерландах, Словакии, Испании, Румынии и Великобритании чаще всего так и происходило: присуждалась только одна степень — аналог американской PhD. Правда, в разных странах все еще различаются требования, которым должен соответствовать претендент на нее. А вот в тех странах, где существуют вторая докторская степень — Германии, Польше, Чехии, Болгарии, России, — от нее со временем придется отказаться. Но только со временем.

БЕЗНАЛИЧНЫЙ КРЕДИТ

Вторая, очень важная часть реформы — введение системы образовательных кредитов. Кредиты измеряются не в денежных единицах, а в образовательных — то есть какую сумму знаний и навыков приобрел тот или иной студент в процессе учебы. Сюда входят и прослушанные лекции, и работа на семинарах, в библиотеке, собственные творческие работы. Таким образом учитывается и самостоятельная работа студента, и сдача экзаменов, и работа с преподавателем.

И опять не новая идея. За основу решили взять ECTS — Европейскую систему перезачета кредитов, которую более 15 лет используют многие западные университеты. ECTS используются во всех (или почти во всех) совместных программах во фламандской области Бельгии, Чешской республике, Эстонии, Финляндии, Германии, Исландии, Ирландии, Латвии, Литве, Румынии, Мальте, Нидерландах, Норвегии и Португалии. Великобритания всегда использовала систему кредитов, кроме аспирантуры, что характерно и для других стран. Во Франции, Италии и Словакии система кредитов использовалась в некоторых партнерских программах, а теперь она становится обязательной в соответствии с новым законодательством.

Так, для получения степени бакалавра студенту необходимо набрать 180 кредитов. Чтобы стать магистром, потребуется 120 кредитов. А если студент

пожелает продолжить обучение в аспирантуре, то необходимо получить 180 кредитных единиц. Правда, и ценность у этих единиц, как у национальной валюты, пока разная: на один европейский кредит приходится примерно два американских и половина британского.

Введение единой системы кредитов — одна из самых технически сложных задач в Болонском процессе. Но зато она удобна для зачета обучения за границей и дает возможность студенту подобрать самому себе курсы, развить наиболее сильные навыки, ликвидировать пробелы в образовании.

ПРИЗНАНИЕ ДИПЛОМОВ

Третья задача, которую надо было решить как можно скорее, — это сопоставимость дипломов. Их настоящая, фактическая сопоставимость достигалась за счет программ совместных дипломов, то есть признаваемых совместно с тем или иным университетом другой страны. Самые популярные из них — COMET, ERASMUS, Jean Monnet, LINGUA и TEMPUS, Sokrates, Leonardo.

Во многих странах, поддерживающих Болонский процесс — Австрии, Фламандской и Французской

Бельгии, Болгарии, Чешской республике, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Исландии, Ирландии, Италии, Латвии, Литве, Мальте, Нидерландах Норвегии, Польше, Португалии, Румынии, Словакии, Испании, Швеции, Швейцарии и Великобритании — студенты еще до официального старта реформы имели возможность получить диплом о высшем образовании, признанный в другой стране. А вот австрийским, латвийским, болгарским, словенским, венгерским и греческим студентам это было сделать не так легко из-за некоторых юридических ограничений в законодательстве. Теперь эту проблему должно решить «единое приложение к диплому», которое будет выдаваться всем бакалаврам, магистрантам и аспирантам.

Совместные дипломы наиболее популярны в экономике, бизнесе, инженерии, а также у юристов и менеджеров. Кроме того, такие дипломы предпочитают получать политологи, журналисты, переводчики и специалисты в области социальных наук. То есть речь идет чаще о гуманитарных и общественных специальностях. И это неудивительно. Ведь именно эти специальности наиболее тесно связаны с национальной спецификой образования (язык, право, культура). Представим, легко ли писать католо-

лику, выпускнику итальянского университета, в голландской или датской газете? Поэтому именно среди преподавателей-гуманитариев высказывались наиболее серьезные опасения о пользе такого рода нововведений. С другой стороны, именно в этом секторе образования «провинциализм» и отставание наиболее заметны. Но по мере того, как в Европе стали формироваться единые правовое, экономическое и политическое поле, именно представители этих сфер оказались в авангарде образовательной реформы. Правда, есть тут и другая причина. Точные и естественные науки давно были интернациональны и составляли свое международное сообщество. Даже в годы «холодной войны» западные ученые знали о достижениях коллег — математиков и физиков — в странах социалистического лагеря. Соответственно, и совместимость программ в вузах достигалась легче.

Сейчас совместные дипломы более распространены среди тех студентов, кто учится в магистратуре или аспирантуре, чем среди бакалавров. А в качестве языка обучения западные студенты обычно выбирают язык стран-участниц и/или английский.

Чтобы подтвердить признание диплома во всех странах-участницах Болонского процесса, решено было выдавать выпускникам специальное «Приложение к диплому». Приложение оформляется по единой форме и выдается по требованию студента на родном языке или на английском.

Церемония окончания университета на юридическом факультете университета Тенесси

Один из читальных залов библиотеки Свободно-го университета Берлина

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Главная сложность, которую надо будет преодолеть, чтобы Болонский процесс принес ожидаемый эффект, — это корректировка и пересмотр учебных программ. Ведь для того, чтобы «образовательная валюта» — кредиты — имела повсеместно стабильную ценность, необходимо, чтобы большинство европейских университетов подняли свой уровень если не до сильнейших, то хотя бы до лучших.

На первый взгляд кажется, можно поделить прежние 5 лет обучения на 3 и 2 и выдавать последовательно два диплома о неполном и полном высшем образовании. А прежние PhD у них приравнять к нашим кандидатским и назвать все вместе едиными докторскими степенями. На самом деле идея европейских реформаторов как раз заключается в том, чтобы диплом каждого уровня давал выпускнику необходимую полную квалификацию в соответствии с его выбором профессии. Если он решил стать зоотехником, то через три года бакалавриата он должен выйти не только дипломированным, но и профессиональным зоотехником. А если абитуриент решил стать генетиком-исследователем, то такую квалификацию нигде нельзя приобрести за три года. только после магистратуры. И задача в том, чтобы все европейские университеты согласовали между собой, чему и (главное!) как они учат по тем или иным специальностям. Тем вузам, где привыкли зоотехников учить по пять лет, а генетиков по восемь, надо научиться одних готовить быстрее, а других дольше. Но главное — качественно. А пока этого не произошло, на практике 180 кредитов, набранные в Софийском университете (Болгария), не равны 180 кредитам Мюнхенского университета (Германия). И доктор философских наук в Италии не тождествен доктору философских наук в России.

фото: Наталья Косарева

В конечном счете количество «ступенек» у образовательной лестницы останется прежним, только каждая из них будет немного ниже: вместо институтского диплома (5-6 лет) — диплом бакалавра (3 года), вместо кандидатского (как минимум 3 года аспирантуры) — диплом магистра (2 года), вместо докторского (это уж как повезет) — докторский (жизнь покажет)

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

Россия официально присоединилась к Болонскому процессу в 2003 году, подписав Берлинское коммюнике. До этого некоторые российские вузы уже включились в общеевропейское образование через

те же совместные программы. Как и в большинстве стран, Болонский процесс начинался в России сверху, то есть это была инициатива скорее некоторых реформаторов, поддерживаемая чиновниками, чем академического и преподавательского сообщества. И, как и в большинстве стран, эти инициативы встретили в России резкую критику и неприятие со стороны общественности.

Однако по мере развития нашей экономики, людей, понимающих, что сегодня Россия остро нуждается в мобильных специалистах, становится все больше. Речь идет не только о наших соотечественниках, уехавших на Запад и теперь пожелавших вернуться или временно поработать на родине. В России есть целые отрасли, где не хватает квалифицированных преподавателей и инженеров и есть потребность нанять западного специалиста. Признание их дипломов в рамках Болонского процесса, конечно, упростило бы жизнь всем — и соискателям работы, и работодателям, и кадровым агентствам.

Сегодня более 40 вузов в промышленных центрах России участвуют в Болонском процессе. Но в масштабах страны это совершенно не отвечает ни потребностям образования, ни потребностям экономики. За последние десятилетия российская высшая школа во многом растеряла те преимущества, которые имела в советские годы, и практически не приобрела новых. Провинциализм университетов — особенно в гуманитарных и общественных науках — зашел так глубоко, что требуются серьезные усилия для ликвидации этих пробелов. Но и здесь многое упирается в специфику страны. Не случайно в России кочующие студенты никогда не были популярны.

Во-первых, в России традиционно были сильны научные школы, а это значит, что лучших аспирантов и исследователей профессора стараются оставить у себя на родных кафедрах (и в Европе, и в США защитившийся аспирант обязан покинуть родной университет).

А во-вторых, попробуй при нашем климате, дорогах и просторах отправиться из Казанского университета на лекции профессора в Петербург.

Да и сейчас вопрос мобильности студентов во многом упирается в неразвитость студенческой инфраструктуры. Многие ли из молодых людей имеют финансовую возможность два года поучиться в Ставрополе, потом подсобить еще 100 кредитов в Самаре, а затем поступить в магистратуру Саратовского университета? Для того, чтобы наши студенты действительно могли кочевать из вуза в вуз, нужно, чтобы не только университеты, но и городская инфраструктура была готова их принять. А это уже вопрос развития экономики страны в целом. Так что не только экономика тянет за собой Болонский процесс, но реформа должна будет мобилизовать экономику.

Сейчас в России принят закон о переходе на двухуровневую систему: четыре года бакалавриата для производственной и социально-экономической сферы и два года магистратуры для научно-исследовательской

сферы. При этом некоторые вузы имеют право готовить специалистов по пятилетней программе. То есть и в нашей стране пока не приживается жесткая схема «3+2».

Поэтому главное— помнить, что Болонский процесс— во-первых, процесс добровольный. И насильно в Европе туда никто никого не тянет. И второе. Это именно процесс— то есть вещь открытая, в стадии

формирования. Да, многие законы в нем не прописаны, стандарты не выверены, но прежние системы образования в каждой европейской стране складывались веками. Нет ничего удивительного, что на формирование новой уйдет несколько десятков лет. И Европа в этом нуждается. Может, и нам не стоит так пугаться?

О. Орлова, pedsovet.org